

которой относилось и высшее христианское духовенство. Вывод автора таков: живучесть язычества в интеллигентских кругах — не простой религиозный атавизм, а выражение определенных социально-экономических отношений. Нужно, однако, заметить, что язычество прочно держалось не только в интеллигентских кругах, но и среди сенаторской знати и среди крестьянства.

Вошедшие в наш обзор работы по древней истории далеко не полностью отражают исследовательские интересы работников наших высших учебных заведений, занимающихся вопросами древней истории, так как публикация их работ идет еще очень медленно. Большая часть опубликованных работ представляет несомненный интерес. Особенно положительным явлением следует считать связь ряда опубликованных работ с проблемами древней истории нашей Родины.

Б. И. Рыськин

И. ЕФРЕМОВ. На краю Ойкумены, «Молодая гвардия», 1949, 293 стр., тираж 15 000 экз., цена 9 руб.

Рецензируемая книга написана очень живо, образно, занимательно и представляет большой интерес, особенно для молодого читателя.

Описываемые события разворачиваются в глубокой древности в XI—X вв. до н. э., т. е. более 3000 лет назад. Герой повести — юный грек Пандион, талантливый ученик художника Агенора. Юношу не удовлетворяет его учитель; он хочет создать такие произведения искусства, которые бы правдиво передали весь окружающий мир. В поисках художественного идеала Пандион хочет отправиться на Крит, хотя его пугают и далекое путешествие и неизвестная чужая страна.

В дальнейшем автор переносит место действия на Крит и затем в Африку. Из-за роковой случайности Пандион оказывается в море, где его подбирает финикийский корабль. Уже у самых берегов Африки юношу приносят в жертву разыгравшейся буре и выбрасывают в море. Прибоем его выносит на берег. Тут грека подбирает египетская стража.

С этого момента начинается ряд тяжелых испытаний в жизни молодого грека. Он становится рабом фараона, живет в невыносимо трудных условиях и выполняет вместе со своими товарищами нечеловечески тяжелую работу. Единственное, что скрашивает жизнь невольника, — это то, что он находит друзей среди рабов. Рабы поднимают восстание. Одной группе восставших удалось бежать в пустыню. Однако их настигают и возвращают в Египет. Случай помогает рабам. Фараон мечтает о живом носороге, которого можно поймать в Центральной Африке. На эту охоту отправляют осужденных на смерть восставших рабов и за удачную поимку живого носорога им обещают свободу. Ценой громадных жертв носорог пойман, и рабам возвращается свобода, но ... выбираться из дебрей Африки им предоставляется самим.

Последние главы повести посвящены описанию приключений в африканских степях и лесах, встречам с негритянскими племенами, опасным переходам через девственные леса, охоте на страшных хищников. Наконец, часть уцелевших людей добирается до моря. Среди них и герой повести Пандион, и его лучшие друзья: этруск Кави и негр Кидого. Последний, собственно говоря, уже вернулся домой; его деревня расположена как раз у моря, и его сородичи помогают Пандиону, Кави и всем остальным перебраться через море на родину.

Таков сюжет очень занимательной и интересной повести. Но не в этом ее главная ценность. В книге нашли яркое выражение идеи дружбы и верности, любовь к родине, жажда свободы. Эти идеи не навязываются читателю; они переданы в живых, ярких образах трех друзей — Пандиона, Кави и Кидого, в их постоянной заботе друг о друге и обо всех товарищах. Через всю повесть красной нитью проходит мысль, что одиночка без помощи и поддержки товарищей погибает, а единый сплоченный коллектив может преодолеть все препятствия. Очень верно и хорошо показано в повести, как

в момент самых тяжелых испытаний, когда у людей уже иссякали все силы, их всех поддерживала надежда вернуться на родину. Те места повести, где описывается, как товарищи ухаживали за больным Пандионом, как они боролись со страшным зверем Гишу, являются лучшими в книге.

Ярко и красочно описана древняя игра с быком на Крите и перекликающаяся с ней охота на носорога. В критический момент Пандион вспоминает, как победили быка критские юноши и девушки, и успешно применяет тот же прием в борьбе с носорогом.

С большим интересом следит читатель за всеми этапами опасной охоты на слонов; с волнением читает страницы, посвященные описанию тяжелых страданий от зноя, мучительной жажды и, наконец, шествия по пустыне, где путников настигает песчаная буря и затем догоняют египетские воины.

Образно дана картина первобытного леса экваториальной Африки, с могучими деревьями, непроходимыми зарослями тропических растений, топкими болотами и туманами. И на этом фоне такой мужественной кажется маленькая группа отважных людей, которые прошли тяжелый путь к свободе, к родине и которым остается пройти еще немного, чтобы достигнуть своей цели.

Однако чем больше достоинств у книги, тем строже следует подойти к ее недостаткам, для того чтобы устранить их впоследствии и еще больше повысить качество повести. Одним из основных недостатков автора является отсутствие достаточного исторического чутья. Ведь эта повесть не только приключенческая, но и историческая, а потому к ней должны быть предъявлены с этой точки зрения большие требования. Художник — не историк и не исследователь, поэтому мы не вправе ожидать от него скрупулезной, подчас педантичной точности, которая безусловно необходима для любой исторической монографии и статьи. Но даже автор художественного произведения обязан соблюдать какие-то исторические границы и стараться, чтобы его художественный рассказ не противоречил исторической действительности. А этим недостатком как раз грешат первые главы повести.

Возьмем начало. Автору безусловно удался образ молодого скульптора Пандиона, который ищет путей для воплощения образа живого человека в искусстве. Но ведь книга приурочена к XI—X вв. до н. э. в Греции (нстати, на стр. 12 указаны X—XI вв., до н. э.; обычно в датировках до нашей эры пишут наоборот). Это ранний период Греции, эпоха первобытно-общинного строя, когда в искусстве господствовал геометрический стиль. Можно ли об этом периоде говорить в таких выражениях, как делает автор, о творческих исканиях Пандиона, можно ли такими словами описывать, как Пандион лепит статую: «Много дней уже шла эта борьба творческих рук с мертвой, безразлично податливой глиной, которую нужно было заставить принять прекрасную форму живого» (стр. 24). Откуда могло тогда взяться такое стремление передать живое тело, живую жизнь, мы бы сказали стремление к реализму у художника XI—X вв. до н. э.? Да и были ли тогда художники уже художниками-специалистами, какими рисует автор и Пандиона и его учителя Агенора? Вспомним хотя бы хорошо известные памятники геометрического стиля. Еще более невыносимыми являются высказывания Агенора об искусстве: «Древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а итти нужно своим путем» (стр. 29), или «Народ наш еще молод и беден, сын мой. Нужны века жизни в достатке, чтобы сотни людей могли посвятить себя высокому мастерству художника, сотни людей могли предаться изучению красоты человека и мира» (стр. 27). Кто это говорит — автор популярного современного учебника по истории искусства или грек гомеровской эпохи, не порвавший еще с первобытно-общинным строем, с ограниченным кругозором своего узкого мира. Если бы автор не указал в примечании, что повесть относится к XI—X вв. до н. э., то по описанию нельзя было бы установить эпохи. Ничего в первой главе на нее не указывает: ни образ жизни, ни люди, а о среде автор вообще умалчивает.

Несомненно, автор хорошо знаком с изобразительным искусством древнего Египта. По его описанию легко можно догадаться, какой конкретный храм он

имеет в виду, в каком месте происходит действие, но в описаниях природы, храмов, сцены пира чувствуется застывшая неподвижность, а не живая действительность. Кажется, что все это описано по фрескам и рельефам древних египтян, а их условные изображения приняты как реальность. Вот почему в описаниях появляется коричневая кожа у воинов, угловатое телосложение у египтянок, застывшие позы вельмож, сидящих на пиру, и т. п. Недостаточное знание египетской культуры не позволило автору дать живую, исторически верную картину быта, а превратило эти описания в схематический очерк, как, например, сцена перед дворцом фараона (стр. 45).

Большой ошибкой является основная концепция автора о Египте—вся страна была превращена в цветущий сад рабами, все искусство было создано руками рабов. Безусловно, рабство играло огромную роль в Египте, без рабовладельческого строя Египет не достиг бы того развития производительных сил и расцвета культуры, которые характерны для него. Но все же надо помнить, что в обработке полей, в создании ирригационной сети принимали участие не только рабы, но и основная масса рядовых свободных, а египетское искусство было создано не чужеземцами (рабами), а самими египтянами, которые, так же как и всякий народ, сами создали свою культуру.

Понятно, что автора особенно интересовали рабы, среди которых находился герой повести Пандион; все же остальное являлось только фоном, на котором разворачиваются события. Но, к сожалению, фон дан только одной краской—показаны одни рабовладельцы,—и это ведет к некоторому искажению исторической действительности. Правда, автор вводит неджега Яхмоса. Но его появление настолько эпизодично, что это нисколько не спасает положения. Исторический фон в Египте дан неудачно. Не помогает и множество «египетских» слов, которые автор вводит в текст. Они звучат слишком условно, как, например: «Теле», Фивы, либо совсем неверно, как «Кемт»¹. Таких примеров можно было бы привести много. Искажают историческую действительность и такие положения, которые основаны на недостаточном знании египетской культуры. Нельзя называть египтян народом, заботившимся о смерти больше, чем о жизни, только потому, что у египтян был так развит заупокойный культ. Абсолютно непонятно выражение, что «ка» будет вечно терять «ба», и уже совсем неправильно объяснение, что «ка» — духовный человек, разумная душа, а «ба» — телесная душа, призрак тела. Это сплошная фантазия автора. Несколько пренебрегает автор и хронологией; не говоря уже о том, что она дана по устаревшим работам, автор не вполне связывает ее с событиями. Война с народами моря была в XIII в. до н. э., а Пандион попадает к берегам Египта в X в., можно ли в таком случае говорить о «недавней» войне с народами морей, как это делает автор на стр. 5.

Непонятно, откуда Яхмос, бедный египтянин, мог знать карту Египта и даже рисовать ее. Да и вообще можно ли было найти тогда людей, которые могли бы это сделать. Таких мелких недочетов, которые портят общую картину, можно было бы привести еще много, но мне кажется, что и сказанного достаточно.

Все указанные недостатки в книге, как мелкие, так и принципиальные, можно было бы вполне устранить при дальнейшей переработке книги, отчего она несомненно выиграет. Таким образом, мы получим не только интересный приключенческий рассказ, в котором красной нитью проходят идеи любви к родине, свободе и дружбе, но и хорошую историческую повесть, дающую верную историческую картину жизни древней Греции и древнего Египта.

Р. И. Рубинштейн

¹ По-египетски *т* — признак женского рода; слово «кем» означает «черные»; «та кемт» — «черная земля», т. е. Египет.